

поставленные жизнью вопросы, воспринимается последующими поколениями ученых как нечто естественное и само собой разумеющееся. Так происходит освоение наукой новых идей и принципов, которые становятся неотъемлемыми элементами современного научного знания, включаются в язык науки, определяют культуру научного мышления»¹⁰.

Это дает основание для вывода о глубоком и позитивном воздействии тектологических идей на процесс становления и развития отечественной социологии, на формирование ее методологических основ.

Примечания

¹ Богданов (Малиновский) Александр Александрович (автобиография) // Деятели СССР и Октябрьской революции. М., 1989. Стлб. 32.

² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: В 4 кн. М., 1989. Кн.1. С. 107.

³ Моисеев Н.Н. Тектология Богданова – современные перспективы // Вопр. философии. 1995. № 8. С. 9.

⁴ Богданов А.А. Философия живого опыта: Популярная очерки. Пг., 1923. С. 323.

⁵ Богданов А.А. Тектология. Кн. 1. С. 69.

⁶ Моисеев Н.Н. Тектология Богданова – современные перспективы. С.11.

⁷ Богданов А.А. Тектология. Кн.1. С.125–126.

⁸ Нарский И.С. А.А. Богданов-философ // Философские науки. 1991. № 4. С. 73.

⁹ См., напр.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 123, 154, 168, 176.

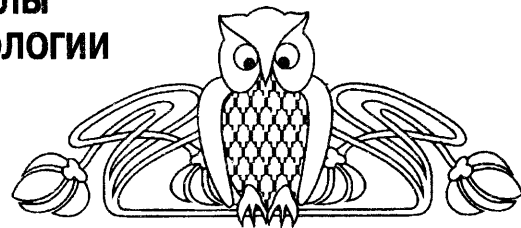
¹⁰ Абалкин Л.И. Тектология А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопр. философии. 1995. № 8. С. 5.

УДК 316(470+571)

Н.И. КАРЕЕВ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ В ГЕНЕЗИСЕ И РАЗВИТИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю.В. Мамонова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматривается взгляды Н.И. Кареева на место и значение субъективной школы в процессе формирования и развития отечественной социологии. Особое внимание уделяется роли личности как субъекта социального познания и фактора общественной эволюции.

N.I. Kareev's Ideas About the Role of Subjective School in the Genesis and Development of Russian Sociology

Y.V. Mamonova

The paper analyses N.I. Kareev's views on the place and role of subjective school in the process of formation and development of Russian sociology. Special attention is paid to the role of personality as a subject of social cognition and factor of social evolution.

Возникновение русской социологии, как известно, связано с усвоением идей западного позитивизма (О. Конта, Г. Спенсера, Г.Т. Бокля, Дж. Милля и др.). О. Конт начал публиковать свои сочинения с середины 1820-х гг., но в Россию его идеи проникли лишь спустя десятилетия. Особый интерес к позитивизму появился после реформы 1861 года. И это неслучайно. Русская общественность жила в тот период в нетерпеливом ожидании перемен – отсюда и потребность в идеологическом обосновании грядущих преобразований, поэтому семена европейского позитивизма упали на благодатную почву.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что социологическая мысль в России с самого начала не замыкалась в своих собственных профессиональных рамках и весьма тесно была связана с нравственными, социально-политическими и эстетическими исканиями, характерными для разных этапов развития русского общества. Проблемное поле русской социологии выглядит довольно пестрым: здесь можно найти все, что интересовало передового человека того времени, над чем мучительно бились лучшие умы общества. Все эти черты характерны для того теоретического направления, с которого обычно начинают обзор истории отечественной социологии. Это субъективная школа, основоположниками которой по праву считаются П.Л. Лавров (1823–1890) и Н.К. Михайловский (1842–1904). Они восприняли некоторые принципиальные положения теории Конта, но не были лишь подражателями и учениками, слепо следующими букве учения. Русские мыслители выдвинули немало оригинальных концепций, позволяющих говорить о них как о создателях самостоятельного теоретического направления, повлиявшего на дальнейшее развитие социологической науки в России.

Следует отметить, что сами создатели школы – Лавров и Михайловский – не дали систематического изложения разработанной ими социологической концепции. Они не оставили

обобщающих теоретических трактатов, их идеи разбросаны в многочисленных публицистических и критических статьях, рецензиях, заметках по самым различным вопросам литературной и общественной жизни. Первым последовательным системагизатором субъективной школы был Н.И. Кареев (1850–1931), выдающийся русский ученый-энциклопедист, историк, социолог, педагог. Он смог выполнить эту задачу, поскольку сам более полувека выступал в печати в качестве последователя субъективной школы.

Кареев, по сути дела, был первым историографом процесса развития социологии в России. Он сам стоял у ее истоков и писал историю новой научной дисциплины по «горячим следам», то есть по мере ее формирования и эволюции, придавая своим исследованиям форму самоаттестации, самосознания науки. В таком качестве, по его убеждению, история социологии была способна помочь развитию и теоретическому обогащению молодой отрасли знания.

Концепция истории русской социологии эскизно была представлена в книге Кареева «Введение в изучение социологии» (1897), затем, вплоть до 20-х гг. XX века, уточнялась в статьях и рецензиях на труды многих отечественных социологов. Итогом многолетних размышлений ученого явилась рукопись «Основы русской социологии», работа над которой длилась с 1919 по 1929 г. Опубликована полностью она была лишь в 1996 г.¹

Н.И. Кареев был лично знаком с большинством крупных русских социологов и это придает его труду характер живого наблюдения. Учет личностного момента в историографическом исследовании он считал крайне важным, но и общую линию эволюции дореволюционной русской социологии автор выделил и изложил достоверно, четко характеризуя главные этапы, фиксируя появление наиболее серьезных работ, отмечая новые повороты в развитии социологической мысли, борьбу и кризис ряда направлений и школ².

Смысловое ядро труда Кареева – выявление идейных предпосылок генезиса отечественной социологии, гносеологических истоков и взаимосвязей, установление филиации и оппозиции идей, выделение заимствований, приоритетов и открытий. В этом плане особенно важной является задача классификации направлений и школ не только по формальным признакам, но и на основе содержательного, проблемного подхода. Кареев предложил несколько типологических дихотомий, до сих пор применяемых историками русской социологии: марксистское и немарксистское направления, в последнем – позитивизм и антипозитивизм, в позитивизме – натуралистическая и этико-психологическая тенденция. Сам он был сторонником этико-психологического редуционизма, в соответствии с которым давал оценку другим направлениям и пытался определить перспективы их дальнейшего развития или угаса-

ния. Отсюда и особое внимание Кареева к субъективной школе. Он видел ее заслугу в том, что она впервые перенесла обсуждение важнейших социальных проблем из туманной сферы умозрительной философии на твердую почву научного позитивизма. Кареев отмечал, что в освоении контовских идей русские мыслители не отставали от своих зарубежных коллег. В самой Франции интерес к концепциям Конта стал формироваться лишь благодаря активной деятельности двух талантливых популяризаторов – Г.Н. Вырубова и Э. Литтре в 1860–1870 гг. В Англии Спенсер вплотную приступил к разработке своих социологических концепций только во второй половине 1870-х годов, когда появился первый том его «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, отмечал Кареев, что в Германии Контом заинтересовались много позже, а в США, где Уорд положил начало самостоятельному социологическому направлению, только в 1880-х гг., то можно утверждать, что русская литература была одной из первых, где социологическая мысль пустила глубокие и прочные корни.

Первыми русскими писателями по социологии Кареев называл П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова. Лаврову, давно известному ученому и философу, было уже сорок пять лет, когда он впервые заговорил в печати о позитивизме и о социологии, двое других только начинали выступать как публицисты. Начав действовать в одни и те же годы (конец 1860 – начало 1870-х гг.), они принялись за разрешение, в сущности, одних и тех же проблем, с одних и тех же позиций, используя в своих работах и Конта, и Спенсера, и Бокля, формируя свой оригинальный вариант позитивизма применительно к потребностям развития и реформирования России. Критичны они были и по отношению друг к другу. Южаков впоследствии отошел от «субъективизма», стремясь отыскать «объективные основания» для своих социологических выводов. Последним в этой плеяде выдающихся мыслителей-позитивистов был Кареев, надолго пережив не только своих единомышленников, но и вообще всех крупных представителей дореволюционной русской социологии (кроме Милюкова, который скончался в 1943 г.).

Внимательное ознакомление с работами Н.И. Кареева, как подчеркивает Н.В. Новиков, убеждает в том, что необходимость и неизбежность «субъективного взгляда» в социологии и сами субъективные механизмы социального познания он понимал точно так же, как Лавров и Михайловский³. Кареев придавал термину «субъективная социология» чисто научное значение и использовал его, не страшась безграмотных отождествлений его с субъективизмом, понимаемым на уровне обыденного сознания как беспринципность, пристрастность, узость и односторонность мышления.

В чем же суть субъективного подхода, разработанного корифеями русской общественной мысли, которым следовал Кареев? Развитие со-

циологического познания рассматривалось ими не как приближение к сущности общественных явлений, а лишь как последовательная смена оценок с позиции определенного идеала. Исследование, проводимое историком или социологом, есть прежде всего группировка фактов по генетической связи и «по важности событий». А как определяется важность, значительность события, социального факта? Все судят об истории субъективно, утверждал Лавров, руководствуясь нравственным идеалом, да иначе и судить не могут. «Знать сущность вещей нам невозможно <...> и заботиться о ней бесполезно <...> Волею-неволей, приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку, т.е. усвоив, по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории или противодействовали этому идеалу...»⁴. Вне человека, считал Лавров, существуют лишь «сцепления фактов», крупных и мелких, и только мысль человека придает им закономерный характер. Закономерность превращается таким образом в продукт субъективной оценки, в логическую абстракцию, в условную систему разрозненных фактов, объединенных с точки зрения определенного субъективно принятого идеала.

Надо отдать должное Карееву: он никогда не высказывался в пользу отождествления научной истины и оценки, как это делал Лавров. В этом отношении Кареев был более близок к Н.К. Михайловскому, весьма тщательно различавшему их и выступавшему за их сочетание в исследовании, точнее за «присоединение» оценки к объективному рассмотрению. Однако в целом концепция Кареева находится в рамках парадигмы, предложенной основателями субъективной школы. Существенный вклад, внесенный Н. Кареевым в эту парадигму, заключался не в интерпретации субъективности – онтологической и методологической, а в определении процедурных императивов ее использования социологом. В этой связи Н. Кареев уже в первом своем печатном выступлении на этот счет (1880) различал два вида субъективизма: случайный (недопустимый) и закономерный (правомерный). К первому разряду он относил партийные, групповые предпочтения и предрассудки, все коллективные убеждения и идеологии, в том числе и политические. Он писал, что в каждом таком случае взгляд на действительность с субъективной точки зрения будет случайным, ибо «тут возможно сто подходов, сто вариантов субъективности...». Естественно, что такой вид субъективизма недопустим, поскольку зачеркивает саму возможность достоверных выводов и превращает историческое или социологическое исследование в разновидность политической пропаганды или партийной публицистики. Социальная наука призвана вырабатывать истины, стоящие выше партийно-групповых интересов. «В этом случае, добавлял Н.Кареев, – объективизм

есть высочайший идеал научности»⁵. Такой объективизм сводится к элементарной честности исследователя, который должен стремиться к созданию достоверной картины социальной реальности, используя всю сумму доступных ему фактов, не искажая и не замалчивая факты, неуместные с точки зрения его партийно-политических взглядов.

Но существует, по Карееву, второй вид социологического субъективизма, который базируется на реальном и онтологически ограничивающем возможности объективной социологии факторе субъективности, присутствующем в самих социальных явлениях и отношениях. Это свободная воля людей, их сознание как двигатель социальных и исторических процессов, их представления о себе и обществе, их интересы и т.д., то есть все то, что в аналогичных случаях перечислялось также и П. Лавровым, и Н. Михайловским. Он писал в 1890 г.: «Науки, изучающие духовный и общественный мир человека, тем и отличаются от естествознания, что общие понятия, которыми они пользуются, имеют значение не только отвлечений от данных нашего опыта, но и требований, которые мы предъявляем мыслимым в этих отвлечениях предметам и отношениям. Под человеческой личностью, под обществом, под государством мы разумеем не только то, чем являются перед нами отдельные люди и целые народы, но и то, чем должны быть человеческая личность, общество, государство, чтобы соответствовать своему идеалу. Таким образом, к общей идее существования, которая имеет одинаковую силу для всех наук, в науках гуманитарных и социальных добавляется еще идея долженствования»⁶.

В этом отношении характерно высказывание Кареева о том, что любое исследование и изложение истории есть «суд над историей»⁷. Мир – неразумен, мир не мыслит, лишь в головах людей («бесконечно малых существ мира») развивается мысль и разум, появляются идеи. Как у Лаврова и Михайловского, так и у Кареева на основе признания алогичности космического процесса как раз и утверждается в личности право морального суда над историей. Устранять этот момент субъективной оценки, утверждал Кареев, значит «рисковать тем, что смысл явлений останется от нас закрытым»⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с теоретическими выводами Кареева и других представителей субъективной школы, но нельзя не отметить тот нравственный, гуманистический пафос, который характерен для их творчества. Это проявляется в том значении, какое они придавали субъективному фактору социальной эволюции, воплощенному в человеческой личности. Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях, с точки зрения Лаврова, составляет содержание исторического процесса или «формулу прогресса». Вслед за ним и Михайловский представлял сущность истории как «борьбу личности за свою индивидуальность».

Важно подчеркнуть, что представители субъективной школы в своих выводах были далеки от примитивного волонтаризма и отнюдь не призывали к личностному произволу. Напротив, всем своим творчеством и собственным примером они утверждали идею служения личности обществу. Эта идея была близка Николаю Ивановичу Карееву, и он следовал ей на протяжении всего своего жизненного пути.

Примечания

¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

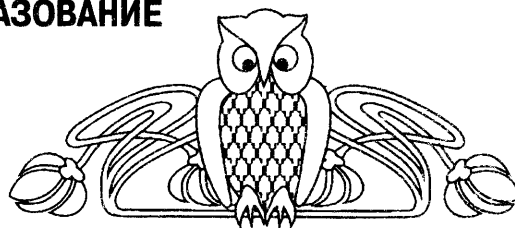
- ² См.: Голосенко И.А. Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений // Социс. 1985. № 3. С. 177.
- ³ См.: Новиков Н.В. Субъективный синтез Н.И. Кареева // Вопр. философии. 1996. № 7. С. 148–149
- ⁴ Лавров П.Л. Исторические письма. 4-е изд. СПб., 1906. С. 29, 37–38.
- ⁵ Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Юридический вестник. 1880. Апрель. С. 123–129.
- ⁶ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории // Кареев Н.И. Соч.: В 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 29.
- ⁷ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: В 3 т. М., 1883. Т. 1. С. 242.
- ⁸ Там же. С. 386.

УДК [316.74:37](470+571)

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Е.Н. Васильева

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylNovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы реформирования социологического образования в России в условиях перехода к двухуровневой системе образования в соответствии с Болонской Декларацией. Предложены некоторые методологические и методические решения обеспечения данного процесса.

Russian Sociological Education in the Context of Bologna Process

E.N. Vasilieva

The paper discusses the problems of reforming of sociological education in Russia within its transition to two-level system according to Bologna Declaration. Some new methodological and methodical solutions are offered to provide for this process.

На протяжении последних лет в российском обществе велись активные дискуссии о судьбе отечественного высшего образования в связи с Болонским процессом. Высказывалось много точек зрения о «плюсах» и «минусах» присоединения нашей страны к этому процессу. Ныне дискуссиям положен конец, вступил в силу закон о реформировании высшего образования в стране, согласно которому мы принимаем нормы и правила Болонской Декларации и с 2009 г. переходим на двухуровневую систему высшего образования – бакалавриат и магистратура. Естественно, что данный закон охватывает все элементы системы высшего образования, в том числе и социологического.

Как известно, высшее социологическое образование в нашей стране – относительно молодая отрасль, ей нет еще двух десятков лет: в 1989 г.

были образованы два первых социологических факультета в Московском и Ленинградском государственных университетах, затем были созданы специальные кафедры и отделения в ряде вузов, в том числе и в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

Ныне в Российской Федерации сложилась широкая сеть научных и учебных учреждений, включающая более 400 научных центров, отделов, групп, факультетов, кафедр, отделений, ведущих подготовку социологических кадров и осуществляющих исследования по социологической тематике.

В структуре Российской академии наук успешно функционируют два института социологического профиля – Институт социологии (ИС РАН) и Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН), а также ряд других научных подразделений и центров. Учреждена премия за научную разработку и решение проблем в области социологии имени М. Ковалевского.

Большую работу по подготовке социологических кадров и научно-исследовательскую работу в области социологического знания ведут социологические факультеты университетов Москвы (МГУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ) и ряда других, а также Московский государственный социальный университет. Если в 1989 г. в России было 6 социологических подразделений (факультетов, отделений и кафедр), то в настоящее время их свыше ста. Численность студентов, специализирующихся по социологии, возросла более чем в 100 раз и составляет в настоящее время около 15 тыс. человек.